
Город Иркутск напоминает мне Череповец,
Город Красноярск напоминает мне Череповец,
Город Ангарск напоминает мне Череповец.
В каждом российском городе есть частичка
Моего родного города.
Каждый раз, когда я оказываюсь в типовом спальном районе,
застроенном хрущёвками,

У меня сжимается сердце,
и я вспоминаю детство,
Как я шла в гости к бабушке с дедушкой
после школы или какого-нибудь кружка...

Наверно, у хороших девочек
Хорошие правильные воспоминания о своей малой Родине –
Они не запоминают всякую чернуху или чепуху,
Они помнят школу, достопримечательности,
Церкви, музеи, парки, фонтаны, памятники...
И я тоже всё это прекрасно помню,

Но почему-то когда заходит речь о детстве,
Я помню только трубы, трубы,
хмурое металлическое небо
и самые прекрасные закаты
над металлургическим заводом,
шершавую бетонную стену,
на которой я писала свои первые стихи,
И путь через всё это к бабушке с дедушкой –
от одной хрущёвки к другой.

Иногда мне кажется, что все мои путешествия
из одного провинциального города в другой –
Это мой детский путь от одной хрущёвки к другой,
А все мои детские воспоминания о Родине могут поместиться
в маленькой кухне три на четыре метра.

Там сидит мой дедушка,
смотрит в окно,
курит и сплёвывает,
курит и сплёвывает.

Пепел смешивается с плевочками и собирается в маленькие островки
в старенькой фарфоровой пепельнице,
За окном как в тумане проплывают крошечные, практически неразличимые, лёгкие люди,
Хочется верить, что все их помысли, воспоминания и деяния –
Только правильные и хорошие,
Настолько прозрачен и невесом их звенящий, струящийся, плавный полёт
От одной хрущёвки к другой...

В СУПЕРМАРКЕТЕ

В супермаркете вечером, потерянный слегонца
Выбираешь крем, убирающий ороговевшую кожу с лица,
Выбираешь гель, убирающий с унитазов налёт,
Но куда-то уводит тебя твоих мыслей полёт.

И зовёт, и ведёт на крыши, в небесные дали,
Я ещё стихи сочинять умею, видали?
Но спускает на землю супермаркета разнообразие.
Кто придумал столько кремов для всего, безобразия!

А вокруг суета какая-то, суматоха.
Люди спрашивают: «Девушка, неужели вам плохо?»
Собираешься с мыслями, покуда приход не ушёл...
Отвечаешь уверенно: «Как же мне хорошо!»

В отношениях с человеком
Важно быть за чертой.
Можно жалеть человека,
Можно держать его за руку,
Можно смотреть на него,
Можно доверить важное,
Можно иметь
общие тайны,
общих друзей, общих знакомых.
Можно обнять человека,
но ощущать его тело,
но погружаться в тепло
слишком долго не стоит...
Потому что это черта,
Потому что там, за чертой
Начинается что-то другое,
что-то другое,
что-то другое...

Встретились два человека,
Встретились – заговорили:

- Пожалуйста, пойми меня правильно.
- Пожалуйста, пойми меня правильно.
- Нет, ты пойми меня правильно.
- Ты тоже пойми меня правильно.

Речь отделилась от них,
Речь перестала быть главным,
Превратилась в бурлящий поток
Переливов звучания, пауз,
Повышения и понижения,
Погружения вглубь себя,
Полного растворения...
Речь растворилась совсем.

Так важно оставаться тем, кто ты...
Вытаскивать себя из темноты,
Из немоты, невежества и мрака,
Осознавать, что мир не одинаков.

Идти, идти куда-то с фонарём,
Искать себя всё время днём с огнём.

Идти к себе без страха и без стука,
Протягивая дружескую руку...
И вдруг услышать, кто-то шепчет в ухо:
«Ау, ау! Как слышите? Приём!»

У многих людей проблема в том, чтобы открыться,
Моя проблема в том, чтобы закрыться –
Мой огромный внутренний мир
наполняет собой всё пространство,
заполняет собой всё пространство,
Мой чертовски огромный внутренний мир...

- я открываюсь тебе
- ты открываешься мне

Где-то здесь находится точка,
После которой

Люди обычно говорят:
«Нафига ты всё это рассказываешь?»

Где-то здесь пульсирует точка,
после которой

Люди обычно говорят:

«Нафига ты вываливаешь своё грязное бельё наружу?»

Где, где эта точка,

после которой

нужно говорить

«Нафига ты всё это рассказываешь?»

Где, где эта точка,

после которой

твоя искренность – это вываливание грязного белья наружу...

– я открываюсь тебе

– ты открываешься мне

Я открываюсь тебе

Сотый, тысячный раз я открываюсь тебе...

Моя искренность похожа на глупость...

Моё тело похоже на дерево,

Руки-ветви вырастают, переплетаются,

Сплетаясь с твоими,

Больше нет никаких границ...

Я открываюсь тебе,

Сотый, тысячный раз я открываюсь тебе...

И я больше не знаю, где начинаюсь я, и где продолжаешься ты.

Хочешь сказать, поэтому всё время не договариваешь...

Боишься, что прочтает мама,

Боишься, что прочтает папа,

Боишься, что прочтает брат,

Боишься, что прочтает кто-то из близких,

Боишься, что прочтает кто-то из бывших –

Людей, бывших когда-то где-то с тобой,

А теперь только читающих твои слова...

Кто из них воспримет это на собственный счёт?

Кто из них подумает, что это о нём?

Вот так и носишься со словами...

Слова мучают поэта –
Бродят, бродят, колобродят,
Перекисают,
Перегнивают,
Шатают и без того непрочный
поэтический, эфемерный остов.

И так до тех пор,
Пока не дашь видимость воли словам,
Пока не поймёшь, как сказать –
Вернее, недосказать.
Пока не найдешь нужные правильные слова
– эффемизмы, уменьшительно-ласкательные, иносказательные –
Позволяющие умолчать о главном,
Позволяющие заменить
Самую главную суть.

У меня есть страх –
Быть слишком понятной и быть непонятой.
Мои слова располагаются где-то между.

Где-то на кончике языка
Между
правильным и неправильным,
истинным и ошибочным
находятся мои слова –
запуганные, потерянные.

Чтобы дать выйти наружу этим словам,
запустив естественный ход вещей,
нужно обнаружить тончайший как волос просвет
где-то между.

Когда начинаешь писать верлибры,
Возникает ощущение –
Всё, что угодно

может стать поэтическим высказыванием,
Но самое странное даже не это...

Постепенно происходит профессиональная деформация,
Мысли больше не пребывают в творческом беспорядке
Мысли перестают идти
Стремительным, хаотичным потоком сознания...

Они организуются ритмически
В аккуратные строчки, объединяются в строфы...
Мысль, мысль, пауза, мысль...

Если я подумала больше восьми слов за одну мысль,
Мне обязательно нужно сделать вдох
и перепрыгнуть на следующую строчку.
Мысль, пауза, мысль.

Если бы кто-то слышал, как я думаю...
Как жаль, что никто не слышит, как я думаю!
Если бы люди услышали, они бы сказали:
«Как красиво!
Она даже думает, как поэт!»

ВДОХНОВЕНИЕ

Вот нечто выплывает изнутри,
Само себе там что-то говорит,
Чего-то там под нос себе бормочет.

Я чувствую, внутри меня горит,
Внутри переизбыток, безлимит.
Но я не знаю, как мне с этим быть...

И комкаю исписанный листочек.

Себя в себе не слышу отчего я?
Пространство тут совсем безречевое –
Без окон, без дверей и без начала,
И потому я тоже замолчала...

Чужие мысли рядом проплывали,

Но вглубь меня они не проникали.
Ни отзвук, ни вибрации, ни шёпот...
И я перенимала этот опыт.

Становишься невидимым, прозрачным,
Как черновой набросок неудачным,
Внезапно обнаруженным во сне
И непонятым в этой новизне.
Становишься как будто меньше точки,
По буквам уползают эти строчки.
Меня уносит с ними заодно...
Весь мир похож на чёрное пятно.

Тексты, тексты,
слова и тексты,
Понимаемые только
внутри контекста...
Но контекста не было,
И никто их не понимал.
Каждый, как мог,
усилия прилагал,
Применяя способности и таланты
Примеряя прочтения, варианты...

Ибо каждый старался, живота своего не жалея,
Расцветали тексты новыми красками и тяжелели,
Зубы острые в самое сердце вонзали,
Как Дамоклов меч пугающе нависали,
Становились глубокими, мудрыми, ценными,
Оставаясь по сути своей неизменными...

И в этом есть
какой-то свой приколот –
смотреть в себя
и видеть свой раскол,
и слышать шум,

шуршание и шелест.
Смотреть туда,
Смотреть куда-то через.
Как часть меня
В себя не попадает.
Не совпадает,
блин,
не совпадает!
Всегда на стыке
Маленький зазор.
И сквозь него
сочится всякий вздор.

Ни эти мысли, ни стихи, ни это всё,
Ни эти непрочитанные книги...
Ни то, что разум в черепашке пересёк,
Остановив на подступах, на сдвиге,
Не остаётся после ничего –
А если даже что-то остаётся...

Какие-то слова,
обрывки слов
На ощупь изучают ремесло

Пристраиваться в вечность,
Как придётся...